

КЭСС МОРГАН

СОТНЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

ПО ЭТОЙ КНИГЕ СНЯТ ТЕЛЕСЕРИАЛ

«THE 100»

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
М79

Kass Morgan. The 100. Homecoming
Серия «Сотня»

Дизайн обложки: Марина Акинина

На обложке использована иллюстрация Марины Акининой

Перевод с английского Ольги Кидвати

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Rights People, London и The Van Lear Agency

Морган, Кэсс

М79 Сотня. Возвращение домой / Кэсс Морган. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 347, [2] с. — (Сотня).

ISBN 978-5-17-089284-6

Продолжение нашумевшего романа Кэсс Морган «Сотня», по которому снимается одноименный сериал. Весь мир напряженно следит за судьбами сотни трудных подростков, участвующих в жестоком эксперименте по колонизации Земли, много лет пустовавшей после экологической катастрофы.

За несколько недель, которые сотня провела на Земле, ребятам удалось создать оазис порядка среди царящего вокруг хаоса. Хрупкое равновесие нарушается, когда из космоса прилетают счастливики, которым повезло покинуть Колонию, где почти не осталось кислорода. Однако везение Гласс, похоже, на этом и заканчивается. Кларк становится одним из лидеров спасательной экспедиции к месту крушения челноков новой партии колонистов, но ее не оставляют мысли о родителях, которые, возможно, остались в живых. Между тем Уэллс старается сохранить свой авторитет, несмотря на присутствие Вице-канцлера и его вооруженных охранников, а Беллами оказывается перед выбором: бежать из лагеря или держать ответ за преступление, которое, казалось бы, осталось в прошлом.

Сотне пора объединиться и вступить в борьбу за свободу, обретенную на Земле, в противном случае они рискуют потерять всех, кого любят.

Подписано в печать 13.08.2015.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,48.

Доп. тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Copyright © 2014 by Alloy Entertainment

© Марина Акинина, обложка, 2015

© Ольга Кидвати, перевод, 2015

© 000 «Издательство АСТ», 2015

Эта книга — плод воображения автора.
Все имена, персонажи, места и ситуации вымышлены.
Любые совпадения с реальными событиями,
географическими объектами и людьми,
как умершими, так и ныне здравствующими,
являются случайностью.

*Посвящается Жозель Хобейка,
чье воображение привносит
в жизнь вымысел и заставляет
сумасшедшие мечты становиться явью.
И Энни Стоун, выдающемуся редактору.*

Глава первая

ГЛАСС

Руки Гласс были липкими от маминой крови. Осознание происходящего приходило медленно, как сквозь густой туман, — казалось, будто это чьи-то чужие руки, а кровь просто привиделась в кошмарном сне. Но руки принадлежали ей, и они действительно были в крови.

Гласс чувствовала, как правая ладонь прилипает к подлокотнику ее кресла в первом ряду челнока. Потом она ощутила, что кто-то крепко сжимает ей левую руку. Это был Люк. Он не выпускал ладонь Гласс с того самого момента, как силой оторвал возлюбленную от тела матери и усадил на место. Пальцы Люка впились ей в руку с такой силой, словно молодой человек пытался таким образом избавить Гласс от пульсирующей боли, приняв ее на себя.

Гласс постаралась сосредоточиться на тепле его руки, на том, как крепко он сжимал ее пальцы, не отпустив их даже тогда, когда челнок заходил ходуном, оказавшись в гравитационном поле Земли.

Всего несколько минут назад мама сидела в соседнем кресле и вместе с Гласс ждала встречи с новым миром. А теперь мама мертва, застрелена обезумевшим охранником, который отчаянно бился за место на последнем челноке, покидающем обреченную Колонию. Гласс изо всех сил зажмурилась, чтобы избавиться от навязчивого кошмара, вновь возникшего перед ее внутренним взором: вот мама медленно сползает на пол, вот сама Гласс опускается рядом, слыша тяжелое дыхание и стоны. Гласс бессильна, она ничего не может сделать, чтобы остановить кровотечение. Вот она сидит, положив мамину голову себе на колени, и, с трудом сдерживая рыдания, произносит слова любви. Вот по Сониному платью расползается темное пятно, а жизнь тем временем покидает ее тело, и Гласс слышит последние мамины слова: «Я так горжусь тобой». А потом из лица матери уходит жизнь.

Но Гласс не могла избавиться от возникавших в мозгу образов, как не могла изменить реальность. Мама мертва, а они с Люком мчатся сквозь космос в корабле, который вот-вот потерпит крушение, ударившись о поверхность Земли.

Челнок отчаянно грохотал и дергался, его мотало из стороны в сторону. Гласс едва ли замечала это. Она смутно ощущала, что ее тело швыряет туда-сюда, и в ребра впивается металлическая пряжка ремня безопасности, но боль от смерти матери ранила куда сильнее.

Раньше горе представлялось ей каким-то тяжким грузом — и это в том случае, если она вообще давала себе труд подумать на подобную тему. Та, бывшая Гласс склонна была заикливаться на страданиях других людей. Все изменилось, когда умерла мать Уэллса. Девушка видела, как ее лучший друг бродит по кораблю, словно придавленный огромной, неподъемной, но невидимой ношей. Однако сама Гласс сейчас чувствовала себя иначе — опустошенной, полой. Из нее словно бы выскоблили все чувства. О том, что она все еще жива, напоминали только крепкие пальцы Люка на ее руке.

Со всех сторон на Гласс напирала люди. Все сиденья были заняты, а оставшееся пространство в салоне челнока было плотно набито мужчинами, женщинами и детьми. Они держались друг за друга, чтобы не потерять равновесия, хотя это было совершенно излишне — в волнообразно колышущейся массе, состоящей из человеческой плоти и беззвучных слез, падать все равно было некуда. Кто-то шептал имена близких, которые остались на корабле, кто-то неистово тряс головой, отказываясь смириться с мыслью о том, что пришлось навсегда распрощаться с любимыми.

Панике не поддался один-единственный человек, сидевший справа от Гласс, Вице-канцлер Родос. Он смотрел прямо перед собой, то ли не замечая отчаянного смятения на лицах людей, то ли игнорируя его. На миг горе Гласс отступило, его затмила вспышка негодования. Отец Уэллса, Канцлер, сейчас делал бы все,

что в его силах, лишь бы успокоить людей, если он вообще позаботился бы о том, чтобы занять место в челноке. Хотя Гласс, разумеется, была не вправе судить Вице-канцлера. Она оказалась здесь только благодаря Родосу, который потащил их с матерью за собой, прорываясь к челноку.

Сильный толчок отшвырнул Гласс к спинке ее кресла, когда челнок вдруг резко трянуло, потом он накренился набок почти на сорок пять градусов, а потом вернулся в прежнее положение, продолжая свое выворачивающее все внутренности падение. Все разом ахнули, но громче всего прозвучал детский вопль. Когда металлический каркас челнока начал прогибаться, словно от удара гигантского кулака, кое-кто закричал. Разрывая барабанные перепонки, салон наполнил высокий металлический визг, заглушающий и крики, и испуганные рыдания.

Гласс вцепилась одной рукой в подлокотник кресла, а другой — в руку Люка, ожидая, что ее вот-вот накроет волна ужаса. Однако этого не произошло. Она знала, что должна бы испугаться, но события последних дней притупили чувства, девушка будто оцепенела. Ей пришлось тяжело, когда в Колонии стало недоставать кислорода, а ее дом словно развалился на части. И когда она решилась на безумный нелегальный поход через открытый космос с Уолдена на Феникс, где пока еще можно было дышать. Но все, через что прошла Гласс, меркло перед тем, как она сама, мама и Люк прорывались на чел-

нок. Однако теперь ей было плевать на то, что она, возможно, никогда не увидит Земли. Пусть все закончится для нее сейчас, это лучше, чем просыпаться каждое утро и вспоминать о том, что мамы больше нет.

Покосившись на Люка, она увидела, что тот с каменным, полным решимости лицом смотрит прямо перед собой. Может, он старается быть храбрым ради нее? Или охранников специально учат соблюдать спокойствие в экстремальных ситуациях? Люк заслуживает лучшей участи, чем эта. Неужели после всего, через что ему пришлось пройти ради Гласс, он обречен на такую вот кончину? Неужели они спаслись от верной смерти в Колонии лишь для того, чтобы теперь сломя голову мчаться навстречу иной, но столь же ужасной судьбе? Переселение человечества на Землю не планировалось в течение еще как минимум столетия. За это время ученые должны были убедиться, что радиация, царящая на планете после Катаклизма, сошла на нет. Их возвращение на родину, их отчаянный исход сулил одну лишь неопределенность.

Гласс бросила взгляд на ряд маленьких иллюминаторов в борту корабля. За каждым из них клубились серые тучи. Есть в этом какая-то странная красота, подумала она, и тут один из иллюминаторов внезапно лопнул. По салону разлетелись осколки раскаленного стекла и металла, а в образовавшееся отверстие ворвалось пламя. Люди, оказавшиеся к нему ближе всего, рванулись кто в сторону, кто вниз, но в такой тесноте им некуда было деться. Отшат-

нувшись назад, они попадали на тех, кто стоял за их спинами. Ноздри Гласс обжег острый запах горячего металла, но его перебила какая-то другая вонь... и Гласс с растущим ужасом поняла, что так пахнет поджаривающаяся плоть.

С трудом повернув голову, Гласс снова посмотрела на Люка. В этот миг она не слышала ни воплей, ни рыданий, ни скрежета металла, не думала о так недавно испутившей последний вздох матери. Сейчас она могла лишь смотреть сбоку на безупречный профиль Люка и его волевой подбородок, на черты, которые она, приговоренная к смерти, так часто вспоминала в Тюреме, дожидаясь казни, которая должна была состояться в день ее восемнадцатилетия.

К реальности ее вернуло скрежетание металла о металл. Проникая через барабанные перепонки, оно пробирало до костей, до печенок. Крышу корабля снесло, словно та была всего лишь куском ткани, Гласс сжала зубы и в ужасе беспомощно огляделась по сторонам.

Потом она заставила себя снова повернуться к Люку. Его глаза были закрыты, но рука лишь сильнее сжимала ее пальцы.

— Я люблю тебя, — сказала Гласс, но ее слова потонули в шуме и криках.

А потом челнок с зубодробительным треском рухнул на Землю, и все почернело.

До слуха Гласс издалека донесся низкий утробный стон. Никогда прежде не слышала она такого исполненного страдания звука. Гласс попыталась открыть глаза, но даже это кро-

шечное усилие вызвало тошнотворное головокружение. Она сдалась и позволила себе снова провалиться в темноту. Прошло несколько мгновений. Или, может быть, несколько часов? Гласс вновь попыталась вырваться из умиротворяющей тишины и вернуться в сознание. Целую блаженную, неверную миллисекунду она понятия не имела, где находится. Первое, на чем ей удалось сосредоточиться, был шквал странных запахов. Гласс даже не знала, что можно обонять столько всего сразу. Кое-какие ароматы она вроде бы помнила по соляренным плантациям (именно там они любили встречаться с Люком), однако тут запахи были в тысячу раз сильнее, в них чувствовалась какая-то сладость, но не такая, как у сахара или духов, а глубже, богаче. С каждым вдохом ее мозг приходил во все большее возбуждение, сию секунду осмыслить этот водоворот запахов. Пахло чем-то пряным. Металлическим. А потом еще один знакомый запах потряс ее и заставил мозг проснуться. Запах крови.

Глаза Гласс распахнулись. Она находилась в каком-то очень просторном помещении, настолько большом, что невозможно было увидеть стены, а усыпанный звездами потолок, казалось, находился в нескольких милях над головой. Постепенно все в ее сознании встало на свои места, и оторопь сменилась благоговением. Она, Гласс, смотрит на небо — настоящее земное небо, — и она жива. Но это ощущение длилось всего несколько мгновений, сменившись паникой, когда мозг пронзила вне-

запная мысль: «Где же Люк?» Она взяла себя в руки и резко села, не обращая внимания на тошноту и боль, которые общими усилиями порывались вновь свалить ее на землю.

— Люк! — выкрикнула она, вертя головой и молясь о том, чтобы увидеть его знакомую фигуру среди множества незнакомцев. — Люк!

Но ее зов потонул в усиливающейся мешанине стонов и криков. «Почему никто не включит свет?» — обалдело подумала Гласс, а потом вспомнила, что они на Земле. Тускло мерцали звезды, а луна давала достаточно света, чтобы Гласс поняла: стонущие, мечущиеся темные фигуры принадлежат ее недавним попутчикам. Наверное, это просто кошмарный сон. Тут все совсем не так, как должно быть на Земле. Это не то место, за которое стоит умереть. Она снова позвала Люка, но не получила никакого ответа.

Ей надо было встать, но мозг словно утратил связь с мышцами, а тело казалось странно тяжелым, словно к конечностям были привязаны невидимые гири. Похоже, земное тяготение сильнее того, к которому она привыкла, — или, может быть, она ранена? Гласс провела ладонью по ноге и задохнулась, потому что та была мокрой. Неужели у нее кровотечение? Она посмотрела вниз, заранее боясь того, что могла увидеть. Штанины оказались разодранными, а ноги — сильно исцарапанными, но никаких ран видно не было. Гласс коснулась руками пола — нет, *земли* — и задохнулась. Она сидела в воде, которая

текла куда-то в невероятную даль, скрываясь в тени деревьев. Гласс моргнула, ожидая, что глаза перенастроятся, и ее зрительному полю предстанет что-то более осмысленное, но картинка не изменилась. *Озеро* — медленно всплыло в сознании нужное слово. Она сама сидела с краю, то есть *на берегу* земного озера, и этот факт был для нее таким же сюрреалистическим, как и все, что ее окружало. Когда Гласс озиралась по сторонам, она видела сплошные ужасы. Изувеченные, изуродованные тела на земле. Раненые, которые кричали и молили о помощи. Искореженные дымящиеся обломки челноков, приземлившихся буквально в нескольких метрах друг от друга, их растрескавшиеся, расколотые корпуса. Люди подбегали к тлеющим руинам кораблей и выносили на плечах что-то тяжелое, обездвиженное.

А кто вынес ее? И если это был Люк, то где он теперь?

Гласс заставила себя встать на дрожащие, подкашивающиеся ноги. Она напрягла колени, чтобы не упасть, и взмахнула руками, удерживая равновесие. Гласс стояла в ледяной воде, и по ногам бежал кверху озноб. Она сделала глубокий вдох, почувствовала, что в голове слегка прояснилось, хотя ноги по-прежнему дрожали, и сделала несколько неуверенных шажков, спотыкаясь о камни.

Гласс опустила глаза, и у нее перехватило дыхание. Лунного света хватало, чтобы заметить, что вода окрашена темно-розовым. Неужели после Катаклизма цвет воды в озерах изме-

нился из-за загрязнения и радиации? А может, в этих местах природный цвет воды именно такой, розовый? Она всегда была не слишком внимательна на уроках географии Земли и с каждой секундой все больше и больше об этом сожалела. Но отчаянный крик раненого, лежащего на земле неподалеку, заставил Гласс осознать жестокую правду: дело вовсе не в долгосрочном воздействии радиации. Вода стала красной от крови. Гласс содрогнулась и сделала несколько неверных шагов к кричащей женщине. Та лежала на берегу, но нижняя часть ее тела находилась в быстро краснеющей воде. Гласс наклонилась, взяла женщину за руку и сказала:

— Не беспокойтесь, с вами все будет хорошо. — Она надеялась, что ее голос звучит достаточно уверенно, хотя на самом деле не была уверена ни в чем.

Глаза женщины были расширены от боли и страха.

— Вы не видели Томаса? — прохрипела она.

— Томаса? — повторила Гласс, вглядываясь в темноту, полную тел и обломков челноков. Ей нужно было найти Люка. Страшнее того, что она оказалась на Земле, была лишь мысль о том, что раненый Люк лежит где-то в полном одиночестве.

— Моего сына Томаса, — сказала женщина, вцепившись в руку Гласс. — Мы были на разных челноках. Моя соседка... — она прервалась, страдальчески вздохнув, — пообещала о нем позаботиться.

— Мы найдем его, — сказала Гласс, морщась от того, что ногти женщины впились ей в кожу. Она очень надеялась, что первое предложение, произнесенное ею на Земле, не окажется ложью. Ей вспомнился хаос, который царил в Колонии перед отправлением челноков. Давка на взлетной палубе, хрипящие люди, отчаянно сражавшиеся за возможность занять последние свободные места и убраться с обреченной космической станции. Обезумевшие родители, разлученные толпой с детьми. Синегубые перепуганные дети, пытающиеся отыскать родных, которых они, возможно, никогда больше не увидят.

Гласс попыталась высвободиться, но тут женщина вскрикнула от боли, и ее рука упала обратно в воду.

— Я поищу его, — неуверенно проговорила Гласс, потихоньку отходя в сторону. — Мы его найдем.

Чувство вины, обуявшее Гласс, почти заставило ее остановиться, но она знала, что должна идти. Она ничем не могла облегчить страдания этой женщины. Она ведь не была врачом, не то что девушка Уэллса, Кларк. Не была она и коммуникабельным человеком, как тот же Уэллс или Люк, которые всегда умели сказать нужные слова в подходящее время. На всей этой планете был лишь один человек, которому она могла помочь, и нужно было найти его, пока не стало слишком поздно.

— Простите, — шепнула Гласс, снова поворачиваясь к женщине, лицо которой иска-

зилось от боли. — Я к вам еще приду. Я просто должна поискать моего... одного человека.

Женщина кивнула, стиснув зубы и зажмурившись, и из-под ее сомкнутых век покатались слезы.

Гласс оторвала взгляд от несчастной и пошла дальше. Она прищурилась, чтобы лучше видеть, что происходит вокруг. Сочетание темноты, головокружения, дыма и шока от того, что она оказалась на Земле, словно затянуло происходящее пеленой тумана. Челноки потерпели крушение на берегу озера, оставив везде, куда не кинешь взгляд, груды дымящихся обломков. Вдалеке виднелись смутные очертания кромки леса, но Гласс была в таком смятении, что лишь скользнула по ней взглядом. Что хорошего в деревьях или даже в цветах, если рядом нет Люка, который мог бы увидеть все это вместе с ней?

Ее взгляд метался от одной одуревшей и израненной жертвы крушения к другой. Вот старик, сидящий на большом металлическом обломке, явно бывшем когда-то фрагментом челнока, и уронивший голову на руки. Вот всего в нескольких метрах от шипящих и искрящихся проводов стоит в одиночестве молодой парнишка с окровавленным лицом. Игнорируя опасность, он смотрит пустыми глазами в небо, будто ищет способ вернуться домой.

Повсюду лежали изувеченные мертвые тела. На губах погибших еще словно витали призраки последних душераздирающих слов прощания, а сами люди так и не увидели даже клочка го-